

ПТИЦЫ-ВЕСТНИКИ: СЕМИОТИКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ -ИСПАНСКИМ СТУДЕНТАМ (Pájaros-mensajeros: semiótica de la cultura rusa para los estudiantes españoles)

©Марина В. Кутьева

Российский Университет Дружбы Народов (РУДН), Москва (Россия)

Marina V. Kutieva

Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos, Moscú (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 2.04.2012

Fecha de evaluación: 4.05.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 303-317

ABSTRACT

In the article we examine birds' nominations - crow, cuckoo, stork, rook - as symbols of the specific cultural concepts, not duplicated up by other languages, considering their metaphorical values.

Keywords: symbol, culture, metaphor, semantics, image.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются наименования птиц – ворона, кукушка, аист, грач – как символы определенных культурных концептов, не дублируемых другими языками, в комплексе их метафорических значений.

Ключевые слова: символ, культура, метафора, семантика, образ.

Природа символа и образа принадлежит миру ассоциаций. Черты, на которых строятся ассоциации, порой не соответствуют объективной реальности и не присущи объектам, а вымышлены, присвоены им в силу превратностей национального мировосприятия, суеверий, страхов, домыслов. Человеку свойственно видеть в череде событий или явлений причинно-следственные связи. Причина и следствие при этом иногда меняются местами, что отлилось в таких фольклорных «аксиомах» как «Ласточка прилетела – быть весне»; «Ворон прилетел – смерти не миновать». Однако иллюзии причинности и ассоциации, возникнув случайно и однократно, могут закрепляться узусом и готовить почву для приобретения словом новой образности и новых, символических значений. Так внеязыковые, «фоновые» ассоциации становятся фактом языка. При этом усложняется семантическая, а не лексическая, структура языка. Это вносит дополнительные трудности для тех, кто изучает язык. Чем сложнее семантическая структура слова, тем короче текст, тем сильнее он тяготеет к поэзии, к поэтичности – в том смысле, в каком понимал ее А.А.Потебня (Потебня 1989); тем больше становится текст похожим на ребус, который нужно разгадывать. Процесс усложнения семантики универсален для европейских языков и находится в динамике. Ассоциации, давно закрепленные

за словом, теряют мотивированность и объяснимость с позиций современного восприятия. Но став фактом системы, они оказываются заданными, навязанными говорящим. Часто человек начинает объективно осознавать «отдельность» означаемого и означающего лишь тогда, когда он постигает ментальные коды иных языков. Онтогенез символического значения трудно объяснить, а дальнейшее его развитие невозможно предсказать, ведь часто символика основана на несущественных (а порой фантазийных, вымышленных!) элементах исходного. Но даже если новое значение базируется на существенных и самых важных элементах старого и связь между ними очевидна, то возможность объяснения этой связи вовсе не свидетельствует о выводимости переносного, производного, символического значения из словарного, свободно-синтаксического. Объяснить связь между ними мы можем, лишь зная результат метафорического преобразования. Иными словами, семантический результат метафоризации нельзя предугадать. Новая семантика на уровне системы закрепляет не объективность, а прагматическую утилитарность оценки. Всем известно, например, что ворона/*corneja* - отнюдь не самая глупая птица, а одна из самых умных, живучих, прекрасно приспосабливающихся к любым условиям, но в русском языке за этим словом в применении к человеку закреплена сема 'рассеянность, вялость, нерасторопность, несообразительность'. Это значение специфично в национально-культурном отношении. В испанском языке *ворона* ни с глупостью, ни с растерянностью не ассоциируется. В русском языке, по данным художественной литературы, вороной могут назвать и женщину – забывчивую или вдруг впавшую в состояние неадекватной отстраненности, и мужчину, проявляющего безалаберность или возмутительное бездействие. Так, в одном из рассказов В.Шукшина, где описывается любительский спектакль, председателя колхоза, волокитчика и бюрократа, называют вороной: «- Сидишь тут, как... *ворона*, глазами хлопаешь. Давно бы уже все было, если бы не такие вот... Сундук старорежимный! Пуп земли... Ты ноль без палочки - один-то, вот кто. А ломаешься, как дешевый пряник. Душу из тебя вытрясу, если клуб не построишь!» (Шукшин 1979: URL). Вороны называют тугодумов, людей, раздражающих своей медлительностью, несообразительностью, отсутствием реакции, как у М.Шолохова в одном из его ранних рассказов «Коловерть»: «Привстал кучер, кнутом машет. - Сворачивай, *ворона седая!*.. Что дорогу-то перенял?!» (Шолохов 1960: URL). Горьковский персонаж называет Государственную думу «правительством *старых ворон...*» (Горький 1985:124), имея в виду под этой птичьей номинацией людей-ретроградов, недалёковидных, примитивно мыслящих. «... Кочегар Васька, приплясывая, <...> орал, точно пьяный: Эх, - далеко люди сидели / От царева трона! / Подошли да поглядели - / *На троне – ворона!*» (Горький 1985: 187). В данном отрывке ворона – 'глупый, не соответствующий занимаемой должности человек'. Этим птичьим наименованием обозвал за неаккуратность пастернаковского доктора Живаго его будущий тесть, когда тот неосторожно, проливая мимо ведер, набирал у него воду, чтобы убраться в своем доме, не догадываясь при этом, что вода сразу же становится льдом. «- Да ты набирай воду, не сумлевайся. Только на пол не лей, *ворона*. Видишь, порог заплескал. Наледенеет, не ты ломом скалывать придешь. Да плотней дверь затворяй, *раззява*, - со двора тянет» (Пастернак 2009: 277). Подчеркнем, что в приведенном комплексе примеров, иллюстрирующих близкие значения –

‘несобранный, невнимательный, нерасторопный, нерадивый человек’, - воронами окрещены исключительно мужчины. Думается, что применение существительных женского рода к лицам мужского пола должно усиливать прагматический эффект, направленный на то, чтобы интенсивнее воздействовать на эмоциональную сферу человека, задеть его за живое, ранить самолюбие. Абсолютно то же самое происходит в испанском языке, когда трусливых мужчин называют *gallina/курица*.

О сильно отличающемся от других человеке говорят, что он *белая ворона*: «... - Я - купец, но у меня не гривенники на месте глаз. Я, брат, в своем классе - *белая ворона*, и я тебе прямо скажу: не чувствуя внутренней связи со своей средой, я иногда жалею... даже болею этим...» (Горький 1974:432). Так говорит купец Кремлев, из всех сил старающийся ни в чем не отставать от других. Русский человек обычно испытывает дискомфорт, если обнаруживается, что он не такой, как все. Белую ворону стая преследует и изгоняет. Быть изгнанным на Руси из общины означало смерть, потому что жизнь в России всегда сводилась к борьбе за выживание. Поэтому русская *белая ворона* и испанский *mirlo blanco* (белый дрозд) лишь на первый взгляд кажутся эквивалентами. Почему? Потому что быть белой вороной – это плохо, предосудительно и не очень разумно, а быть *mirlo blanco* – это похвально и даже почетно. Псевдо-эквиваленты вдруг обнаружили межъязыковую энантиосемию.

Образ вороны привлекается в художественной литературе не только для описания внутренней сущности, характера человека, но и для обрисовки внешности. «Алка умела быть лохотной, элегантною, с надменным аристократическим лицом, летучей улыбкой. Софи Лорен в лучшие времена. Сейчас она стояла *унылая, носатая, как ворона*. Баба Яга в молодости» (Токарева 2004: URL). Воронами, сороками и галками называют болтливых, пустых, глуповатых женщин. «Неужели у тебя хватило этого самого... – Он сделал пальцами неопределенный жест возле виска. – И ты пошла устраивать скандал? <...> Кто это тебе дает такие советы? Твои *вороны и галки*, которые собираются у нас, когда я уезжаю или ухожу? – А что, по-твоему, у меня своего ума нет? – Нина Александровна чувствовала, что ведет себя не так, как надо, не так, как ей советовали ее *многомудрые приятельницы*». (Кочетов. 1970: 231).

Вороны, их крики и серо-черный окрас гармонично вписываются в мрачные, скорбные пейзажи. Одна лишь «воронья» деталь способна создать ощущение безутешного горя, как у И. Грековой в повести «Кафедра», когда она рассказывает о переживаниях своего героя из-за смерти жены, о том, как Николай Николаевич винит в ее гибели дачу: «Он еще раз оглядел участок, неузнаваемый, засыпанный мертвыми листьями, *пронизанный криком ворон*, и проклял его за то, что он убил Нину» (Грекова 1983: 42). Поражает, что одинаковое сочетание – вид осыпающихся листьев и крик воронья предстаёт как рамка для траурных мыслей или событий у разных авторов. Оно фигурирует в мрачном стихотворении Андрея Белого «Убийство»: «Осыпаясь прахом, склоны / Тихо шелестят; / *Галки, вороны, вороны* / *Стаей налетят.* / Неподвижные, как стекла, / Очи раскроют. / Там – вдали, над нивой блеклой, / Там – вдали: поют». Синэстезия эмоциональной сферы человека и настроения природы (восприятие, понимание и изображение природы) занимает огромное место в этническом сознании и русских, и испанцев, но проявляется по-разному. Символическая аура семантики слова *ворона* вписывается в контексты,

изображающие удрученное состояние духа героев, и выполняет функцию фокуса эмпатии и прагматической скрепы в пространстве текста.

Мир природы подвергается мистификации, источником которой служат поверья: аист поселился на крыше – к прибавлению в семействе, кукушка кукует – отсчитывает годы жизни, которые осталось прожить, ворона примостилась у окна, сова ли подлетела к дому или устроилась неподалеку – к несчастью или смерти. И вот ворона подлетает к Вашей форточке, и Ваше сердце ёкает. «Какую недобрую весть она несет? О чем хочет сказать?» – думаете Вы, как будто кроме Вас у вороны забот никаких нет. Русские верят: просто так даже ворона не каркнет. Народные паремии утверждают, что «ворон каркнет – к несчастью, ворона – к ненастью». О недобрых, тревожных символах, несомых птичьим крылом, Вы не прочтёте ни в одном словаре. А вот, например, Валентин Распутин признается в своем рассказе «Что передать вороне?» в том, что вид этой птицы вызывает у него безотчетный трепет: «Не знаю, не смогу объяснить почему, но с давних пор живет во мне уверенность, что, если и существует связь между этим миром и не-этим, так в тот и другой залетает только она, *ворона*, и я издавна с тайным любопытством и страхом посматриваю на нее, теща и боясь додумать, почему это может быть только она» (Распутин 1978: 131).

Когнитивные истоки этого символа восходят к приметам, суевериям, страхам. Знание мифолого-символической сферы семантики необходимо для декодировки имплицитных смыслов, которыми наполнены образы литературных произведений и нашей ежедневной разговорной речи. Вряд ли иностранный студент без специальной подготовки адекватно и полноценно расшифрует строфу: «Как жаль, что скоро всё закончится... / А как хотелось бы – сначала! / Но в помутневшее оконце / *ворона клювом постучала*» (Жиганец 2004: URL). О чем это четверостишие? Что закончится и почему? Почему нельзя всё начать сначала? Не факт, что иноязычному и инокультурному читателю, даже очень хорошо знакомому с русским языком, с первого взгляда станет ясно, что ворона, постучавшая клювом в стекло, приглашает героя покинуть этот мир и отправиться в мир иной – потусторонний. Ворона, такая же бесшабашная, уродливая и наглая, как смерть, предстает здесь символом потустороннего мира. И в этом символе его «содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» (Лотман 1992: 200).

В профсоюз предсказательниц русский этнокультурный менталитет включает кукушку. Правда, ворона специализируется на объявлении окончательного приговора, который обжалованию не подлежит, а вот профиль кукушки – сугубо прогностический. Это гадание. Она доброжелательней вороны, не столь категорична и старается дать исчерпывающие ответы на волнующие человека первостепенные вопросы. «С болот на задах нежно, убеждающе закуковала кукушка. „Кукушка! Кукушка! Сколько мне жить?“ И она роняет и роняет свое „ку-ку“, как серебряные яички. <...> В нечаянно вырванную у сна минуту я вдруг тихо радуюсь очевиднейшему факту – существует на белом свете некий Володька Тенков, человек десяти лет от роду. Существует – как это прекрасно! Кукушка! Кукушка! Сколько мне?... „Ку-ку! Ку-ку!“ Щедра без устали». (Тендряков 1996: 152). Оказавшись в лесу, люди очень любят поговорить с кукушкой. В художественной литературе тому есть множество подтверждений – как в прозе, так и в поэзии: «В лес пришла пастушка, / Говорит

кукушке: / «*Погадай, кукушка, / Сколько лет пастушке / Суждено прожить?*» / Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, - / Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть. / И, смеясь, пастушка / Говорит с кукушкой: / «Что же ты, кукушка? / Неужель старушкой / Весело мне быть!» / Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, - Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть. / Вздумала пастушка / Так спросить кукушку: / «*Погадай, кукушка, / Сколько лет пастушку / Будет друг любить?*» / Кукушка кукунула раз, и молчит, и молчит, / А Лиза смеется: «Так что же, хоть год!» — говорит». (Сологуб 1992: URL).

Паузу после серьезного разговора героев повести Валентина Распутина «Живи и помни» тоже пришлось заполнить кукушке: «...И тоскливо, безысходно ждалось сердце: ничего не знает о себе человек. И сам себе он не верит, и сам себя боится. А кукушка, не меняя голоса, все куковала и куковала, наговаривая – кому столько? – деревьям, реке, камням». (Распутин 1978: 46).

Слово *кукушка* окрашено в грустные тона, в ее голосе русскому уху слышится плач. «Кукушки нежный плач в глуши лесной / Звучит мольбой тоскующей и странной» - так охарактеризовал звуки, издаваемые кукушкой К.Бальмонт в стихотворении «Зарождающаяся жизнь». Голос кукушки наводит русского человека на столь любимые им мысли о быстротечности жизни, на поиски ее смысла, как в стихотворении Евгения Евтушенко «Сережка ольховая...»: «Уронит ли ветер в ладони сережку ольховую, / Начнет ли кукушка сквозь крик поездов куковать, / Задумаюсь вновь и, как нанятый, жизнь истолковываю, / И вновь прихожу к невозможности истолковать» (Евтушенко 1995: 78). Кукушка заставила поэта вспомнить главные вехи прожитого и ощутить единство всего сущего: неприкаянного человека, возрождающихся деревьев с падающими с веток прошлогодними семенами, пробующих свой голос птиц. Это стихотворение было положено на музыку Евгением Крылатовым и звучит в течение всего многосерийного фильма «И это все о нем». Оно и начинается, и заканчивается образом кукушки: «С чего это я? / Да с того, что одна *бестолковая / кукушка-болтушка мне долгую жизнь ворожит.* / С чего это я? / Да с того, что сережка ольховая / лежит на ладони и, словно живая, дрожит...».

В поэтических контекстах рядом со словом *кукушка* непременно фигурируют неотвязные призраки, прочно вселившиеся в русскую языковую картину мира, - это *печаль, тоска, боль, уныние, скука*. В пейзажах при этом торжествуют одиночество, заброшенность, болезненность, как в есенинской деревне, на его «горевои полосе», где среди пустырей и покосившихся избёнок «чахнет старая церквушка, / в облака закинув крест. / и заболная кукушка / не летит с *печальных* мест» (С.Есенин 2006: URL). В невеселые раздумья погружает нас с помощью образа кукушки песня Б. Окуджавы: «На белый бал берёз не соберу, / Холодный хор хвои хранит молчанье. / *Кукушки крик, как камешек отчаянья,* / Все катится и катится в бору» (Окуджава 1989: URL).

В русском этнокультурном сознании *кукушка* связана с плачем Ярославны, мечтающей полететь к Игорю *зегзицей*, благодаря мощному току воздействия «Слова о полку Игореве». Грустью кукушки, затерявшейся в лесу, наделяет поэт Арсений Тарковский (отец режиссера Тарковского) образ Марины Цветаевой, о гибели которой он отозвался строками: «Чего ты не делала только, / чтоб видиться тайно со мною, <...> / Ты под ноги стлалась травой, / уж так шелестела весною,

/ Что боязно было: шагнёшь — / и заденешь тебя ненароком. / Кукушкой в лесу притаилась / и так куковала, что люди / Завидовать стали: ну вот, / Ярославна твоя прилетела!» (Тарковский 1983: URL).

Отсчитывающая годы кукушка воспринимается суеверными людьми как вестница смерти, а иногда и как сама смерть: «И ровный мерный стук - удары в пальцы кукол. / То смерть кукушкою кукукала...» (В.Хлебников 1987:374). Сознание человека фокусируется на каркающих, кукующих, ухающих существах и, будучи эгоцентричным по своей сути, обращает карканье и кукование к себе, считает их нацеленными на себя. Так объективно ничтожные сущности становятся идеодоминантами мифологического мышления народа, а денотативное значение прочно сращивается с символическим.

Россия на протяжении всей своей истории много воевала. Одна из последних войн – афганская. Александр Башлачёв в стихотворении «Кукушка», ставшем песней, часто исполняемой ветеранами-«афганцами» на улицах Москвы, говорит о том, что кукушка отмерила ему сто лет жизни, и упрекает ее за такую щедрость, отказываясь от «подарка» и подозревая, что вещунья напророчила поэту чужие, солдатские непрожитые годы. Башлачёв покончил жизнь самоубийством 17 февраля 1988 года, немного не дожив до своих 28 лет и до перелома общественного строя и став широко известным именно после смерти. В контексте его раннего ухода из жизни особенно пронзительно звучит строфа; «Так что ты, кукушка, погоди / Мне дарить чужую долю чью-то. / У солдата вечность впереди, / Ты ее со старостью не путай» (Башлачев 2008: URL).

Образ кукушки аккумулирует всю семантику скорби и печали, вбирая новые её оттенки. Если собрать все художественные тексты, где встречается слово кукушка, и проанализировать окружающие кукушку прилагательные, то мы получим ценный список депрессивных синонимов - близких друг другу и далеко друг от друга отстоящих по семантике. Это: заунывный, жалобный, нежный, скорбный, мерный, монотонный, однообразный, печальный, тоскливый. Крайне отрицательным персонажем выступает сын кукушки – кукушонок, бессовестно обрекающий законных наследников других птиц на неминуемую гибель в самом начале жизненного пути. Метафоризация ненасытного и бесцеремонно жестокого кукушонка хорошо вписывается в современные политические коллизии России. Приведем в пример интервью, взятое известным сегодня журналистом, автором радиопрограммы «Серебряный дождь», Владимиром Соловьевым у Сергея Глазьева. В нем на роль кукушки взят нынешний президент РФ В.В.Путин: « - Вы обвинили Рогозина в том, что он днюет и ночует в Кремле, и что он - креатура Кремля.

- Это уже было потом, на президентских выборах.
- К Рогозину обратились и сделали его агентом Кремля после думских выборов?
- Есть такая птица, кукушка называется. Подбрасывает свои яйца в чужие гнезда. Вылупляется кукушонок и начинает уничтожать другие яйца...
- Так кто же вам кукушонка-то подсунул?
- Тут уж скрывать нечего. Это была рекомендация Владимира Владимировича. С президентом надо советоваться <...> А иначе как?» (Соловьёв 2004: URL).

У русского человека не вызывают сомнений два следующих «факта» по делу кукушки: 1) предсказывает, сколько лет нам осталось прожить; 2) является плохой матерью: подбрасывает своих детей в чужие гнёзда и не заботится о них. Значение «плохая мать» особенно устойчиво закреплено за лексемой «кукушка» в русском языковом сознании. Оно реже прочих встречается в лирике, но часто воспроизводится в разговорном и публицистическом жанрах. Приведем пример из газеты «Miss US» от 13 октября 2011 года: «Для некоторых знаменитостей дети явно в тягость, мешают карьере и бурной личной жизни. Знаменитые мамы оставляют детей на попечение супруга (часто бывшего), бабушки или няни, а то и вовсе сдают в спецучреждения, вроде детского интерната для детей с ограниченными возможностями и психиатрической клиники. Среди таких “кукушек” - Маша Распутина» (Степанова 2011: URL).

Существует несколько разных объяснений безответственности кукушки. Первое из них состоит в том, что мать-кукушка, подкидывая своих детенышей в чужие гнезда, тем самым спасает их от прожорливого отца, который может съесть свежие яйца, не поморщившись и не моргнув глазом. Надо сказать, вся кукушечья семья отличается отменным аппетитом. Второе объяснение опирается на тот факт, что кукушка в среднем в очень сжатые сроки откладывает до 15 яиц. Не под силу кукушке вырастить самой столько детей.

В электронной версии газеты «Комсомольская правда» от 10 января 2012 года нам встретился заголовок *Что делать, если жена «кукушка»?* Газета приводит письмо брошенного мужа, оставшегося с двумя детьми. Среди русских нет человека, который бы неверно истолковал означенную заглавием проблему. Среди иностранцев, по нашему опыту, - есть те, кто решил, что данный заголовок обрисовывает такой казус: жена напророчила мужу какие-то беды, и они сбылись. Здесь мы имеем дело со всеобщим коллективным «знанием», ментальным стереотипом. А вот старая поговорка «Ночная кукушка дневную завсегда перекукует» может озадачить не только иностранца, но и носителя русского языка, особенно юного, дистанцированного от недр народного фольклора. Этот оборот отсылает нас к следующей семейной ситуации: на мужчину всегда влияли его мать и его жена. Мать обычно промывала ему мозги днем, а жена ночью. Побеждала позиция жены – ночной кукушки, более действительно талдычащей о том, в каком направлении семье следует двигаться дальше. В испанском языке слову *кукушка* имеется два соответствия - *ciso* и *cuclillo*. Оба слова - мужского рода. *Ciso* стал символом лентяя-хитреца, скинувшего с себя все обязанности на других, и бездельника. Переносное значение у слова *cuclillo* – ‘одураченный муж’. В Испании эта птица ассоциируется скорее с авантюризмом, чем с безответственным материнством, тоской о невозвратно уходящих годах и философствованием по поводу бренности всего сущего, как в русском языке. В некоторых регионах Пиренейского полуострова есть поверье, что, услышав кукушку, нужно потрясти на счастье монетами. «Ку-ку» при этом трактуется не как тиканье часов, отсчитывающих неумолимое время, а как звон падающих с неба вам в карман монет. Голос кукушки обещает богатство тому, у кого во время ее кукования есть деньги, и бедность тому, у кого в кармане пусто. В Испании кукушку спрашивают: «Cuso del rey, rabo de escoba, ¿cuántos años quedan para mi boda?» («Кукушка короля, хвост метелки, сколько лет мне осталось до свадьбы?»)

Вопрос, аналогичный задаваемому в России, таков: «Cuco del rey, rabo de fierro, ¿cuántos años quedan para mi entierro?» («Кукушка короля, хвост из железа, сколько лет осталось до моих похорон?»). Большого значения тому, что она накукует, не придаётся: «El cuchillo solo sabe su estribillo» (Кукушка знает только свой куплет, т.е. повторяет одно и то же) – говорят в ряде испанских провинций. Над ответами кукушки испанцы посмеиваются, иронизируют. Это отражено в пословице: «Dejadle que cante, que canta mejor, señal de que llega la buena calor; que el cuco, como es holgazán, en llegando el verano parará de cantar». («Пусть себе поет, это знак, что приходит тепло; кукушка-лентяйка: придет лето - перестанет петь»). В целом можно заметить более мажорное восприятие предсказаний кукушки в испанской лингвокультуре по сравнению с русской. Кукушка, однако, в некоторых латиноамериканских странах выступает эталоном уродства. И действительно, птенец-кукушонок обладает на редкость отталкивающей внешностью, а сама кукушка – просто серая и невзрачная пернатая особа. В романе Марио Варгаса Льясы «Праздник козла» дети бегут за прогуливающимся в парке уродливым стариком и вслед ему кричат: “Cuco!” Прочитируем здесь этот отрывок из романа: « - Unos chiquillos corrían detrás de él gritando: “El cuco, el cuco!” – se ríe Lucinda – Está más feo y asqueroso que antes. ¿Tendrá más de noventa, no?» Vargas Llosa 2001: 296). Перевод: «Дети бежали за ним, крича: «Кукушка, кукушка!» - смеётся Лусинда. – Он стал еще страшнее и отвратительней, чем раньше. Ему уже лет девяносто, да?».

Как во многих случаях употребления слов, относящихся к миру природы, в латиноамериканском узусе не обошлось без эротичности. Сами себя латиноамериканцы называют людьми *sexualmente adictos*. У Г.Гарсии Маркеса в романе «Любовь во время чумы» есть сцена, в которой слово *cuca* используется в значении «женские половые органы». Герой романа - Флорентино Ариса, обмакнув палец в краску, оставил на животе своей любовницы Олимпии заявление: “Esta cuca es mía!” (буквально: «Эта кукушка – моя!»). Под этим лозунгом красовалась стрелочка, указывающая вниз. Надпись, напоминающую дорожный указатель, вечером увидел муж. Не сказав ни слова, он взял на кухне нож и перерезал жене горло (García Márquez 1988: 278).

Это значение, естественно, отсутствует в русской лингвокультуре, жестко табуирующей сексуальную сферу жизни человека. Однако кроме уже названных нами сем, за *кукушкой* числятся и другие, менее частотные, исторически маркированные семы, бывшие актуальными в определенную эпоху. Во время финской войны в СССР *кукушкой* называли снайпера, стрелявшего с дерева. О такой «кукушке» идет речь в раздумьях одного из героев романа Василя Быкова «Сотников» - предателя Рыбака: «Полиции сверху, с пригорка, наверное, отлично видят одинокого на снегу человека, и, хотя пока не бегут к нему - они, безусловно, расстреляют его из винтовок. Если же Рыбак бросится на помощь, убьют обоих - в этом он был уверен. Так случалось во время финской, когда проклятые *кукушки* набивали по четыре-пять человек за минуту, и все тем же самым примитивным способом: к первому подстреленному бросался на выручку сосед по цепи и тут же ложился рядом; потом к ним полз следующий. И каждый из этих следующих понимал, что его ждет там, но и не мог удержаться, видя, как погибает товарищ» (Быков 1987: URL). Это значение продержалось не более полувека и в свое время часто

встречалось – но не в любой литературе, а в произведениях о войне. В рассказе Юрия Нагибина «Терпение» лексема *кукушка* в значении ‘снайпер’ уже взято в кавычки, что говорит о начале удаления данного переносного значения на периферию семантики слова. Прочитируем этот фрагмент: «Я встал и побежал дальше. И тут мне показалось, что на одном дереве «кукушка». Я упал, спрятавшись за ствол дерева. <...> Фигура не шевелилась. Через некоторое время заметил, что к «кукушке» ползут двое. Они подползли совсем близко и вдруг вскочили. Это были мои однополчане: Гошка и Жорка. Я свистнул и пополз к ним. Но тут понял, что «кукушка» мертва, встал и подбежал к парням. «Кукушка» оказалась повешенным Колькой, который спровоцировал ночную атаку роты на роту. Колька был, видимо, сначала повешен, а затем снят и посажен так, что издали можно было принять его за ‘кукушку’» (Нагибин 1994: URL). В этом переносном словоупотреблении проступает описанная Верещагиным и Костомаровым категория исторического и культурного фона. Культурный фон – специфический ореол и характеристика лексем и фразеологизмов, соотносимых с самобытными явлениями социальной жизни и особенностями исторических перипетий. Проходит эпоха, и значение испаряется вместе с ней, и сейчас о нем уже никто не помнит, но оно живет в художественной литературе.

Самым малоупотребительным их переносных значений семантической матрицы слова *кукушка* можно считать значение ‘поезд’. С какой стати поезд получил птичье имя? Виновата тут аббревиатура ‘КУ’ – Коломенский Усиленный. Этот паровоз выпускался в России с 1907 по 1914 год. «В депо сопели дремавшие паровозы, а на путях беспокойно трепалась маневровая *кукушка*, собирая вагоны в стада для угона в неизвестные края». (Платонов 1990: URL). ‘Кукушке’ пришлось немало потрудиться в самые тяжелые для страны времена. «С лязганьем буферов, замедленно пересекая улицу, прошли к железному копру шахты, черневшему за крышами, товарные платформы, их тяжело подталкивала «кукушка». Пар от нее с шипением вонзался в туман. Дождь не переставал, и небо было низким, мутным. А он все не входил в гостиницу - смотрел на железный копер шахты, на «кукушку», на платформы, на дома - а по лицу его скатывались теплые капли». (Бондарев 1973: 18). «Независимая газета» от 16.09.1997 посвятила этому замечательному произведению инженерной мысли статью под неоднозначным названием с игрой слов *Взлет и падение «кукушки»* с пояснением: «90 лет назад появился самый известный российский паровоз» (Независимая газета 1997:4)

Многопланово-грустной кукушке и накаркивающей беду вороне противоположен положительный в большинстве лингвокультур образ аиста - вестника семейного счастья. Аист также пробует себя в роли предсказателя, например, хорошей весенней погоды, поэтому в Испании говорят: «Por San Blas la cigüeña verás, y si no la vieres: año de nieves».

Кроме того, аист - синоним странствия. Древние подметили, что эти птицы прилетают на Средиземноморье и Ближний Восток не всегда в одно и то же время. Они порой запаздывают, гибнут в пути. «И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь, а народ Мой не знает определения Господня» (Иеремия 8: 7). Интересно сравнить две испанские версии этого абзаца Библии. В Библии «Biblia de las Américas» 1997 года

говорится: “Aun la cigüeña en el cielo conoce sus estaciones, y la tórtola, la golondrina y la grulla guardan la época de sus migraciones; pero mi pueblo no conoce la ordenanza del Señor”. В более раннем Священном Писании - Sagradas Escrituras 1569 года сказано: «Aun la cigüeña en el cielo conoce su tiempo, y la tórtola y la grulla y la golondrina guardan el tiempo de su venida; mas mi pueblo no conoció el juicio del Señor».

Как утверждают авторы «Энциклопедии символов», в России аист почитался как охранитель очага и защитник от молний и пожаров, символ крепости и плодovitости рода, принадлежности к славянской общности. Фигура аиста запечатлена на гербах городов Ананьева (стоящий на гнезде) и Беловодска (идуший) (Краткая энциклопедия символов URL). Испанский аист – представитель города Эстремадуры. Словом *cigüeña* называют в Испании новые жилые комплексы: «La Cigüeña es un espacio soñado para dedicarlo al ocio». Реклама всегда основывается на привлекательных символах. Даже не имея достаточных знаний по поводу коннотативной сферы семантики, можно заключить, исходя из рекламных призывов, всегда работающих на коннотативно-метафорических нюансах семантики, что аист связан с ощущением домашнего уюта, безмятежного покоя.

С прилетом аиста ассоциируются понятия мира. Его появление – это добрая весть, доброе предзнаменование. Считается, что гнездо аиста на соломенной крыше или на колесе от телеги, водруженном на дереве или на любом возвышении, приносит счастье тому дому, где оно свито. В советские годы в России была популярна песня с припевом «Аист на крыше – мир на Земле».

В Средиземноморских странах аист означает сыновнюю любовь (лат. «*pietas*»). По античным легендам, выросшие птенцы заботятся о своих престарелых родителях, кормят их и чистят им гнезда. Римское право, требовавшее заботы детей о родителях, называлось «аистиным» («*Lex ciconaria*»). На одном из сайтов мы встретили такое заявление: En la mayor parte de los países - excepto para la iglesia española- la cigüeña goza de una imagen positiva. Además es un símbolo de piedad filial. Se piensa que alimenta a sus progenitores cuando se hacen mayores (Pajareando 2010: URL).

Отметим, что один из религиозных интернет-журналов называется “La cigüeña de la torre”- «аист на колокольне», что обнаруживает положительное к этой птице отношение. Однако в целом католическая церковь не в восторге от этих птиц, ведь они причиняют церковным зданиям немало проблем. Гнезда их бывают очень тяжелыми, что вызывает порой обрушение кровли колоколен и храмов. К тому же, если аист выбрал для своего жилища некую обитель, он обязательно вернется туда снова и примется за реставрацию своего гнезда на уже страдающем от избыточной нагрузки месте. Свойство аиста возвращаться было замечено и воспето в русской лирике. Наблюдая за постоянством аиста, люди стараются стать похожими на него. «Разрозненность сиротская моя / воспрянет вдруг, в зарю соединяясь. / И, может быть, я все ж вернусь, как *аист* / на милый зов родимого жилья» (Ахмадулина 1995: 92). В популярнейшей полвека назад песне «Здравствуй, аист!» на слова В. Семернина поется: «Я помню, как мы расставались, / Как догонял тебя мороз. / Ты не забыл наказ мой, *аист*, / И сына-первенца принес. / Промчится лето золотое, / Мой сын научится шагать. / Настанет осень — выйдут трое / Тебя в дорогу провожать. / Ах, добрый *аист*, / Мы только на зиму расстались. / Спасибо, *аист*, спасибо, птица, / Пусть наша встреча повторится!»

В Испании, как и в России, детям говорят, что их принес аист. В России детей также иногда находят в капусте. Микширование этих двух предложений побудило Викторину Токареву придумать название для фильма «Полет аиста над капустным полем». Дети быстро выводят взрослых на чистую воду и, в частности из-за вранья про аиста, утрачивают доверие к родителям. На эту тему интересно привести фрагмент из эпопеи М.Горького «Жизнь Клима Самгина»: «<...> вместе с матерью своей Клим находил, что девочка знает много лишнего для своих лет. - *Про аиста и капусту* выдуманно, - говорила она. - Это потому говорят, что детей родить стыдятся, а все-таки родят их мамы, так же как кошки, я это видела» (Горький часть 1). Расставание с выдумками про аиста означает взросление. Так, у К. Симонова читаем: «Был нами аист в девять лет забыт, / Мы в десять взрослых слушать начинали, / В тринадцать лет, пусть мать меня простит, / Мы знали все, хоть ничего не знали». (Симонов 1960: URL).

В Испании иногда уточняют, что аист, несущий младенца, прилетает из Парижа. Видимо, из других стран ему долететь сложнее. «Es por la historia que le cuentan a los niños cuando preguntan de dónde vienen los bebés?...la mayoría les dice que los trae la cigüeña de París o de Francia, o simplemente que la cigüeña los trae...» Поэтому испанский аист осознается как символ плодovitости и материнства. Русский – нет, не материнства, а постоянства, заботы, скорее мужской. Это межъязыковое различие обусловлено грамматической категорией рода: *cigüeña* в испанском языке – существительное женского рода, а в русском аист относится к мужскому роду и поэтому не подходит для материнской функции. Образ аиста используется для описания мужской верности, и влюбленный рыцарь сравнивается с аистом, что вряд ли возможно в испанской лирике: «В любви объясняются ей мушкетёры. / А дама о чём-то грустит, улыбаясь... / И мудрый Атос, / Как подраненный *aust* / В улыбке её не находит опоры» (А.Дементьев. Двести лет спустя).

Испанские источники отмечают, что аистам очень нравятся макушки церковных колоколен: *siendo los campanarios de las iglesias sus preferidos* (Ecología URL) и что эти птицы ассоциируются с тихой жизнью, чуждой городской суеты: *cigüeñas se identifican con una vida más tranquila, lejos del voraz mundo urbano* (там же).

Ассоциация аиста с тишиной и уединением характерна и для русской поэтической картины мира, и в стихотворении Анны Ахматовой эту мысль подтверждает строка: «Лишь изредка прорезывает тишь / крик аиста, слетевшего на крышу, / и если в дверь мою ты постучишь, / мне кажется, я даже не услышу» (Ахматова). Аист упоминается в нескольких элегиях Б. Окуджавы. По случаю гибели Владимира Высоцкого Окуджава создал свою дихотомическую мифологию: «*Белый аист* московский на белое небо взлетел, / *Черный аист* московский на черную землю спустился...» Белый аист символизирует здесь душу Высоцкого, а черный аист – смерть (Б. Окуджава. 1989: URL О Володе Высоцком). В других зарисовках Окуджавы аист выступит как символ надежды и продолжения жизни:

Вот вам, пожалуйста,
первые краски заката,
вечного аиста
белые хлопья над хатой,

старой пословицы
 словно хранящие цену:
 все, мол, устроится,
были бы аисты целы. <...>
 Спросишь о прожитом,
 глянешь в глаза через силу:
 что, мол, встревожены?
 Аиста, мол, не хватило.
 Как, мол, без аиста?
 Вот и бедуешь в жилище,
 и спотыкаешься,
 и виноватого ищешь...
 Дело не в старости.
 Это совсем про другое:
 были бы аисты
 белые
 над головою (Окуджава 1989 URL)

Отметим, что номинация *аист* используется русским языком в эвфемистической функции, когда пытаются завуалированно преподнести информацию о предстоящих родах. Так, например, на сайтах интернета нередки признания о том, что «аист прилетит к нам в июне», «теперь-то уж точно аист прилетит ко мне», «вот уже пять лет в браке, но аист так и не прилетел».

Орнитоним *аист* пришел на помощь кинематографистам, когда на фестивале в Каннах выставлялся советский фильм «Летят журавли», созданный режиссером Михаилом Калатозовым по пьесе Виктора Розанова «Вечно живые». На французский язык название нельзя было перевести без лексических трансформаций именно из-за абсолютного несовпадения метафорики слова «журавль» в русском и французском языках (это несовпадение относится и к испанскому языку). Если в русском языке улетающие журавли означают грусть и ощущение того, что радость осталась в прошлом, а прилетающие журавли означают возвращение надежд, то во французском, где журавль, как и в испанском языке, женского рода, одно из его переносных значений – «проститутка». И буквальный перевод означал бы ‘налет проституток’ или ‘проститутки воруют’. Подобной славы счастливо избежал аист, отличающийся непоколебимой моральной устойчивостью и непогрешимостью репутации. В результате фильм увидел свет под названием «Когда прилетают аисты». В кадре их роль пришлось выполнять журавлям.

Переносные значения, не зафиксированные в ни в двуязычных, ни в толковых словарях, проявляются в устойчивых оборотах. Так, познакомившись с фразеологизмом *más feo que un grajo* (более некрасивый (уродливый), чем грач), можно догадаться, что в испанской лингвокультуре грач считается почти эталоном уродства – его последней стадией, и что носитель испанского языка относится к этой птице скорее отрицательно, чем положительно. Человеку, воспитанному в лоне русской культуры, принять этот тезис трудно. Негативный обертон в семантике лексемы *грач* абсолютно не поддерживается русским узусом. В русской лингвокультуре грачи

приносят на своих крыльях первое дыхание весны. Это самая первая весенняя птица. В народе говорят: «Грач на горе - весна на дворе»; «Увидел грача - весну встречай». По поведению этих птиц земледельцы определяли, какая будет весна и когда следует выходить на сев хлеба: «Грачи прямо на гнездо летят - дружная весна»; «Если грачи сели в гнезда, то через три недели начинай сев». В детском саду малыши учат стихи о полезных, лечащих пашни птицах - грачах: «Мы работники – грачи, / Когда трудимся – молчим, / Чистим землю: ищем в ней / Вредных гусениц, червей» [<http://festival.1september.ru/articles/600503/>]. Объективно грач вредит почве, выклеывая из нее червей, но на ментальный стереотип это мало влияет, и с первых дней сознательной жизни ребенку формируют позитивный образ грача, базирующийся на народном коннотативном каркасе. Ученикам начальной школы хорошо знакома картина Саврасова «Грачи прилетели», о которой тепло и вдохновенно рассказывают детям учителя. Однако именно грачом называют во многих латиноамериканских странах неупорядоченного священника. Отсюда также пытливый ино-культурный поклонник испанского языка делает вывод: к служителям культа в черной рясе у носителей испанского языка сложилось негативное отношение – как к лицам, наживающимся на чужом горе, использующим веру людей в своих интересах, следовательно, окрашенным в темные (черные) тона. Данный пример свидетельствует о том, что вокруг слова создается определенное семантическое пространство, оценочно-когнитивное поле. Не исключен и противоположный путь: существующие когнитивные поля притягивают к себе мало-мальски подходящие слова. Чем сильнее поле, чем большее место оно занимает в умах и обиходе этноса, тем больше слов приспособливает язык для выражения нужных вербальному сознанию народа значений и оттенков смысла, выискивая в них ассоциации, на которых можно выстроить требующуюся семантику. Сильно бросается в глаза тот факт, что испанский язык приспособливает многие «птичьи» (и фруктово-овощные) наименования для идентификации половой сферы человека, чего не происходит в русском языке или происходит, но крайне робко. В современной литературе все меньше многоточий, все больше попыток называть вещи своими именами, которые совсем недавно были именами чужими. Так, в романе Альмудены Грандес орнитонимно-генитальное словосочетание *polla acojonante* встречается пять раз (Grandes 2004). Будучи изначально молодежным слэнгом, номинация прочно вошла в испанский разговорный обиход. Во всех языках действует принцип экономии ресурсов языкового мышления, только вот ресурсы эти разные и экономят их языки по-разному. В русском языке экономия при вербализации сексуальной сферы человеческого бытия осуществляется за счет виртуозного потенциала мата, в испанском – за счет красочных емких образов внешнего, природного мира. Символически нагруженной в обоих языках оказалась сфера орнитонимов. Устойчивой когнитивной тенденцией в языках человечества можно считать использование семантического поля, объединенного номинантом *птица*, для воплощения в лексемах этого поля значений, принадлежащих практически всем сферам деятельности человека – и духовно-ментальным, и обиходно-практическим.

По своим онтологическим свойствам означаемые языковых знаков кодируют в себе признаки и свойства номинируемой внеязыковой реальности, в том числе и культурные реалии, что обуславливается основными категориальными признаками

понятия *культура*, если понимать ее как «протекающий внутри человеческой психики процесс познания, в котором участвуют наши повседневные культурные практики – эндопсихические и экзопсихические одновременно» (Hutchins 1995: 356). Анализ двуязычных словарей показывает, что комментарии этнокультурного плана в них чаще всего отсутствуют, хотя для понимания художественной литературы и иносказаний нужнее всего именно лингвокультурологические ремарки когнитивного плана, желательно с примерами из наиболее значимых для нации литературных художественных произведений и живой разговорной речи. Сегодня лексикография культуры – настойчивое требование времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BIBLIA. URL: <http://bibliaparela.com/jeremiah/8-7.htm>
- ECOLOGÍA. URL: <http://www.xn--ecologa-dza.es/2008/02/la-cigea-smbolo-de-fertilidad.html>.
- GARCÍA MÁRQUEZ, G. (1988): *El amor en los tiempos del cólera*. Mondadori, Madrid, 443 p.
- GRANDES, A. (2004): *Castillos de cartón*, Tusquets Editores, Barcelona, 199 p.
- HUTCHINS, E. (1995): *Cognition in the World*. Cambridge (Mass.): MIT Press, Cambridge. URL: <http://www.cstaip.ru/info/study/cultpsych/Hutchins.htm>
- VARGAS LLOSA, M. (2001): *La fiesta del chivo*, Edisa, Madrid.
- PAJAREANDO. BLOG (2010): URL: <http://pajareandosantamaria.blogspot.com/>
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2010): *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие*. Флинта, Наука, Москва, 224 с.
- АХМАДУЛИНА, Б. А. (1995): “Из народного сказания” *Стихотворения, Слово*, Москва, 103 с.
- АХМАТОВА, А.А. (1990): *Сочинения в 2-х томах. Том 1. Художественная литература*, Москва, 494 с.
- БАШЛАЧЕВ, А. (2008): “Кукушка”. В кн.: *Афганские песни*, электронный ресурс. URL: http://guitarsongs.ru/lyrics-afganskies-pesni_kukuschka.html
- БОНДАРЕВ, Ю. (1973): “Тишина. Часть вторая. 1949 год”. В кн.: *Бондарев Ю. Собрание сочинений в четырех томах*. Том второй. Молодая гвардия, Москва, 423 с. URL: <http://russian-prose.myriads.ru.htm>
- БЫКОВ В. (1987): “Сотников”. В кн.: *Быков В. Повести, «Проминь»*, Днепропетровск. URL: <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/sotnikov.txt>.
- ГОРЬКИЙ, М. (1974): “Жизнь Клим Самгина”. В кн.: *М. Горький. Полное собрание сочинений в 25 томах*, Наука, Москва. – Т. 22. – 684 с. Жизнь Клим Самгина (Часть 3) URL: librioom.net/zhizn-klima-samgina-chast-3/
- ГОРЬКИЙ, М. (1985): *Дело Артамоновых*. Роман, Правда, Москва. 240 с.
- ГРЕКОВА, И. (1983): Кафедра. Повести. *Советский писатель*, Москва, с. 3-237. URL: lib.spnet.ru/koi.pl/PROZA/GREKOWA/kafedra.txt
- ДЕМЕНТЬЕВ, А. (2005): *Стихотворения, Эксмо*, Москва, 448 с.
- ЕВТУШЕНКО, Е. (1995): *Мое самое-самое*, Изд-во АО «ХГС», Москва

- ЕСЕНИН, С. (2006): *Избранное*, У-Фактория, Москва, 544 с. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/Esenin/128.htm>
- ЖИГАНЕЦ, Ф. (2004): *Разговор с вороной*. URL: stihi.ru/2004/06/15-570
- КОЧЕТОВ, В. (1970): *Чего же ты хочешь?* Издательство «Беларусь», Минск, 480 с. http://www.modernlib.ru/books/kochetov_vsevolod/chego_zhe_ti_hochesh/
- КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИМВОЛОВ. URL <http://www.symbolarium.ru/>
- ЛОТМАН, Ю.М. (1992): «Символ в системе культуры» http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php 17.03.2012. В кн.: *Ю.М. Лотман Избранные статьи в трех томах*. Том I, Александра, Таллин, с.200-210.
- НАГИБИН, Ю. (1994): *Терпение*. Рассказ. В кн. *Нагибин Ю. Богояр, Московский рабочий*, Москва. URL: http://thelib.ru/books/nagibin_yuriy/bogoyar-read.html
- НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА (2007): URL: <http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/history/ky.htm>
- ОКУДЖАВА, Б.Ш. (1989): *Избранное*. Стихотворения, Московский рабочий, Москва, 345 с. URL: http://www.bokudjava.ru/A_9.html
- ПАСТЕРНАК, Б.Л. (2009) *Доктор Живаго*, Азбука-классика, Москва, 306 с. URL: pasternak-boris.viv.ru/cont/jivago/277.html
- ПЛАТОНОВ, А. (1990): «Сокровенный человек». В кн.: *Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма*, Мастацкая літаратура, Минск, 640 с. http://www.klassika.ru/read.html?proza/platonov/sokr_chelovek.txt&page=9.
- ПОТЕБНЯ, А.А. (1989): «О некоторых символах в славянской народной поэзии». В кн.: *Слово и миф*, Правда, Москва, с. 285-378.
- РАСПУТИН, В.Г. (1978): «Живи и помни»: *Повесть, рассказы*. - Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 320 с. URL: <http://www.serann.ru/text/chto-peredat-vorone-8840>
- СИМОНОВ, К. (1960): «Первая любовь» В кн.: *Избранные стихи*, Государственное издательство художественной литературы УзССР, Ташкент, 256 с. http://snegirev.ucoz.ru/index/konstantin_simonov_pervaja_ljubov/0-407
- СОЛОВЬЕВ, В. (2004) Сергей Глазьев: «У нас не политика, а театр политических актеров». Официальный сайт Владимира Соловьева. URL: <http://www.vsoloviev.ru/orange/text.mhtml?PubID=100>
- СОЛОГУБ, Ф (1922): «Свирель. Русские бержеретты». В кн: *«Книга стихов»* Изд-во Petropolis, Санкт-Петербург. URL: http://www.fsologub.ru/lib/poetry/cycle/cycle_281.html
- СТЕПАНОВА, Л. (2011): «Распутина сбаврила дочь в психушку». В кн.: *Газета Miss US*. URL: [http://www.missus.ru/articles/family/f_stories/13-10-2011/rasputina/6470].
- ТАРКОВСКИЙ, А.А. (1983): «Чего ты не делала только». В кн.: *Стихи разных лет*, Изд-во «Современник», Москва. URL: <http://rupoem.ru/tarkovskij/chego-ty-ne.aspx>
- ТЕНДРЯКОВ, В. (1990): «Хлеб для собаки». В кн.: *Тендряков В. Ф. Люди или нелюди: Повести и рассказы*. Издательство Современник. Москва, с. 452-470.
- ТОКАРЕВА, В. (2004): «Лошади с крыльями» http://www.loveread.ec/read_book.php?id=3230&p=17.
- ХЛЕБНИКОВ, В. (1987): «Синие оковы». В кн.: *Велимир Хлебников. Творения*, Советский писатель, Москва, с. 363-380.
- ШОЛОХОВ, М. (1980): *Донские рассказы*, Художественная литература. Москва, 304 с.
- ШУКШИН, В. (1979): Актер Федор Грай. Рассказ. URL: http://www.modernlib.ru/books/shukshin_vasilij_makarovich/artist_fedor_grai/read_1/